

Глава 1. Канун

Май 2014 года. Город Си бурлил жизнью, вечно спешащей, шумной и суетливой.

А здесь, на тихой улице района Наньшуй, в приюте «Красный клён», солнце привычно клонилось к закату, медленно унося с собой последние крупницы золотого света.

Листья на клёнах замерли. В опустевшем дворе лишь изредка нарушал тишину чей-то далёкий собачий лай.

Глубокой ночью, когда мир вокруг затих, высоко в небе взошла полная луна. Её бледное, холодное сияние пробивалось сквозь листву и скользило в комнату через полуоткрытое окно.

... Мо Хань не успел договорить — резкий, дразнящий толчок Чи Юэ заставил его осесть. Голос сорвался на судорожный выдох. Лицо вспыхнуло пунцовым румянцем. Мо Хань невольно подался навстречу мужчине, нависавшему над ним, стараясь притерпеться к острой ласке и унять дрожь.

— Мо Хань, ты такой хороший... Лучше тебя никого нет на всем белом свете.

Чи Юэ захлестнуло нежностью. Почти каждую их ночь он доводил парня до полного изнеможения, заставляя плакать и молить о пощаде. И каждый раз, глядя на это трогательное, беззащитное, но по-прежнему упрямое лицо, Чи Юэ терял голову от любви.

Они были знакомы уже девять лет. С самой первой встречи чувство Чи Юэ росло и ширилось, подобно буйному сорняку, заполняя собой всё его существо. Ни Мо Хань, ни сам Чи Юэ не считали себя гомосексуалами, однако влечение, вспыхнувшее между ними, давно перешагнуло рамки условностей. Оно катилось под уклон, словно огромный валун — стремительно, неудержимо, сокрушая любые преграды.

Чи Юэ действительно берёг его. Все эти девять лет в приюте он неустанно добивался взаимности, и все эти девять лет они фактически были неразлучны. Год за годом они вращались друг в друга, делили все горести и радости, пока наконец не превратились в единое целое, которое уже невозможно разорвать.

Иногда Чи Юэ казалось, что судьба, лишив его родителей в тринадцать лет и оставив в полном одиночестве, решила принести свои извинения. Сначала она привела его под крышу «Красного клёна», а затем показала Мо Ханя, который сидел на качелях, прислонившись спиной к цепи и безмятежно прикрыв глаза. Он слегка покачивался, лениво касаясь земли одной ногой, и разительно отличался от остальной шумной детворы.

Одного взгляда хватило, чтобы пропасть навсегда. То было предзнаменование их будущей жизни — бурной, полной споров, но неизбежно общей.

Когда-то у Мо Ханя не было фамилии. Но когда братьев Чи оформляли в школу, директор приюта решил заодно уладить документы и для него. Ради простоты мальчику дали ту же фамилию, и он сам не заметил, как превратился в Чи Мо Ханя.

Впрочем, все давно привыкли звать его просто Мо Ханем, по фамилии к нему никто не обращался, так что эта формальная приставка быстро стёрлась из повседневной жизни.

— А если б я... не был хорошим... ты бы на меня и не посмотрел! — прерывисто выдохнул Мо Хань.

«Чёрт бы его побрал, — пронеслось в голове. — И дернул же меня язык его обругать. Чем больше я его крою, тем сильнее он заводится, будто озверин принял!»

Чи Юэ вдруг резко выпрямился и прижал Мо Ханя спиной к матрасу. От неожиданного движения внутри всё сладко потянуло, заставив Мо Ханя вздрогнуть.

— Ты чего? — испуганно спросил он.

Чи Юэ дразняще качнулся в нём и с лукавой усмешкой прошептал:

— Люблю тебя. Сильнее всех на свете люблю. И ужасно люблю вот так... тебя мучить.

Стоило ему договорить, как темп резко сменился. Мо Хань сразу почувствовал неладное. И точно: Чи Юэ принялся изводить его с удвоенным рвением. Перехватив его ноги, он легко перевернул податливое тело, заставляя упереться коленями и локтями в простыни.

— Твою мать! Чи Юэ, ты... больно же! — В голове у Мо Ханя всё смешалось. Сил язвить не осталось, и наружу вырвался лишь этот отчаянный, искренний протест.

Чи Юэ прижался грудью к его вздрагивающей спине, опалив горячим дыханием шею, и медленно провел языком по чувствительной коже у затылка.

— Я потихоньку, маленький... — хрипло пообещал он. — Потерпи, будет хорошо.

Уткнувшись лицом в подушку, Мо Хань стиснул зубы так, что побелели губы. Но глупо было отрицать: эти крепкие объятия дарили ему невероятное чувство покоя и безопасности. И пусть тело отзывалось ноющей болью, внутри разливалось щемящее, пьянящее счастье.

О таких говорят: в постели — зверь, в жизни — шёлковый. Чи Юэ действительно души в нём не чаял и готов был сдуть с него пылинки. Вне спальни Мо Хань всегда находился под его защитой. За широкой спиной Чи Юэ он мог вести себя как угодно, капризничать и дерзить — ему всё сходило с рук.

Когда всё закончилось, Чи Юэ бережно прижал к себе обмякшее тело Мо Ханя и виновато прошептал:

— Сильно болит?

У мужчин всегда так: пока горит похоть, голова отключается. А раскаяние приходит лишь после. В случае с Чи Юэ, который с такой лёгкостью перевоплощался из хищного зверя в ласкового кролика, это правило работало безукоризненно. Он нежно стёр капельки пота со лба Мо Ханя и прильнул к его губам.

— Вспомнил наконец, — проворчал Мо Хань. — Ты бы ещё спросил, когда я совсем загнусь.

Мо Хань прекрасно знал, что у его любовника в такие моменты просто заходит ум за разум. К этим дежурным вздохам сожаления он давно привык. В самый первый раз, когда Чи Юэ взял его напористо и грубо, подобная забота даже тронула Мо Ханя. Но со временем он понял: этот ритуал повторяется из раза в раз. Чи Юэ сокрушался, клялся быть аккуратнее, а во время следующей близости снова начисто обо всём забывал, заставляя своего ненаглядного искры из глаз сыпать.

Поначалу Мо Хань даже сомневался: действительно ли Чи Юэ любит его, или ему просто нужно животное удовлетворение? Но годы шли, а преданность и обожание в глазах партнера не угасали. В конце концов Мо Хань притерпелся к этой смеси грубости и нежности. Если уж быть честным с самим собой, она ему даже нравилась.

— Прости меня, Мо Хань... Тебе ведь уже... сколько? Восемнадцать исполнилось?

Просто смешно. Чи Юэ хоть и прикидывался неотёсанным парнем, но закон знал и прекрасно соображал, что соращение несовершеннолетних — дело подсудное. Только толку-то от его запоздалой сознательности? Мо Хань был младше него на целых пять лет. Семнадцать — до совершеннолетия ещё расти и расти. А учитывая, сколько раз они уже предавались любовным утехам, этот глупый вопрос выглядел так, будто Чи Юэ крепко приложило дверным косяком.

Чуть восстановив дыхание, Мо Хань огрызнулся:

— Будто сам не знаешь, сколько мне лет! Что, совесть заговорила? Раньше-то возраст не мешал тебе вести себя как похотливое животное!

— Ошибаешься, — хмыкнул Чи Юэ. — Я просто подсчитываю, сколько мне ещё трястись за

свою шкуру каждый раз, когда я укладываю тебя в постель. Кажется, приговор уже не за горами.

«Ну и гад, одни пошлости на уме», — подумал Мо Хань. Будь Чи Юэ героем девичьего романа, он бы сейчас благородно прошептал: «Мне следовало дожидаться твоего совершеннолетия...» В таких словах крылось бы хоть какое-то подобие раскаяния. А этот выдает чёрт знает что.

Мо Хань насупился, из последних сил оттолкнул его и, тихонько потирая затекшую поясницу, сполз с кровати.

— Пусть я ещё не дорос до восемнадцати и ты выжимаешь из меня все соки, у меня есть одно неоспоримое преимущество: я моложе тебя, старый ты козёл!

Мо Хань выделил последнее слово особым ядом. Полегчало. В кулачном бою против этого детины у него не было шансов, но вот уколоть его словом — милое дело.

Чи Юэ лениво окинул его взглядом с ног до головы и ухмыльнулся:

— Да без разницы. Я старше — значит, и сверху быть мне.

Он заговорщически подмигнул и хитро сощурился.

У Мо Ханя аж уши запылали. Не выдержав, он рявкнул:

— Чи Вэйсюань! У тебя вообще совесть есть?!

Чи Юэ приложил палец к губам и зашипел:

— Тсс, потише ты. Сяо Нань в соседней комнате спит. Хочешь его разбудить?

Наглость этого человека не знала границ. Сам припёрся посреди ночи, оккупировал чужую постель, а теперь ещё и призывает к тишине! Раз так боялся разбудить брата, сидел бы в своей конуре.

— А пусть просыпается, — съязвил Мо Хань. — Так ему и скажу: твой братец — похотливая тварь, которая по ночам совращает малолетних.

— Он тебя слушать не станет.

— Ещё бы! — фыркнул Мо Хань. — Он из-за тебя на дух меня не переносит. Постоянно косится, будто я у него кошелек украл. А ведь когда только приехал в приют, шагу без меня ступить не

мог.

Младший брат Чи Юэ, Сяо Нань, попал в «Красный клён» пятилетним крохой. Он хвостиком ходил за Мо Ханем, заглядывая тому в рот. Но стоило Чи Юэ вклиниться в их дружбу, как мелкий замкнулся, отдалился, а со временем и вовсе начал смотреть на Мо Ханя волком.

— Моё солнце должно светить только мне, — безапелляционно заявил Чи Юэ. — Чего ему под ногами путаться? Пришлось обозначить границы.

В этом был весь Чи Юэ: собственник до мозга костей, упрямый и верный. Впрочем, всю эту удушающую заботу он вываливал исключительно на Мо Ханя.

Вообще отношения этих братьев оставались для Мо Ханя загадкой. По паспорту их звали Чи Вэйсюань и Чи Вэйюй. Простые и звучные имена — Чи Юэ и Чи Нань — им дал директор приюта, когда оформлял документы для школы.

Характером они тоже пошли в разные стороны. Старший — неразговорчивый, резкий, но до безумия заботливый с близкими. Младший — молчаливый бука. Чи Юэ воспитывал брата по принципу «сыт, обут — и ладно», особо в душу не лез и за мелкие провинности не распекал. Сяо Нань рос послушным, но под этой маской покорности скрывалось редкое, ослиное упрямство.

О крутом нраве младшего Мо Хань узнал на собственной шкуре, когда тот ни с того ни с сего объявил ему бойкот. Настоящий упрямец: если что вобьет себе в голову — колом не выбьешь.

Парень был неглуп и быстро смекнул, какого рода отношения связывают его брата со старшим приютским товарищем. И его это... переехало. С тех пор его отношение к Мо Ханю стало холодным и отстранённым. О том, чем они с Чи Юэ занимаются по ночам, Сяо Нань наверняка догадывался. Оставалось только гадать, какими словами он мысленно честил Мо Ханя.

— Вы с ним два сапога пара, — вздохнул Мо Хань. — Я-то думал, он у вас покладистый, а он тот ещё фрукт.

— А чего ты хотел? — самодовольно усмехнулся Чи Юэ. — Кровь-то одна.

— Ну да, родная кровь, куда деваться... Слушай, а ты хоть помнишь, что у твоего ненаглядного братца завтра день рождения?

— Обижаешь. Конечно помню. Завтра после смены забегу в кондитерскую, возьму его любимый шоколадный мусс. А тебе что взять? Присмотрел что-нибудь?

— Мне ничего не нужно, — тихо отозвался Мо Хань.

Он стоял у платяного шкафа, поленившись одеться. Холодный лунный свет серебрил его худощавое тело, очерчивая плавные линии плеч и ключиц, отчего юноша казался изящной мраморной статуей.

— И всё-таки у меня к тебе один вопрос, — вкрадчиво протянул Чи Юэ. — Ты чего там стоишь нагишом? Проветриваешься? Или это тонкий намёк на продолжение банкета?

Мо Хань смерил его презрительным взглядом:

— Дурак ты. Я вообще-то в душ собирался. Просто заболтался.

Чи Юэ прыснул от смеха, любуясь своим взъерошенным чудом.

— Ладно, иди уже, горе луковое. Я жду.

— Обойдётся. Ложись спать, великий завоеватель. С меня на сегодня хватит.

Мо Хань выразительно закатил глаза и, слегка покачиваясь от усталости, поплёлся в ванную.

На следующее утро Чи Юэ, как обычно, поднялся ни свет ни заря. Он сбегал за завтраком, оставил Мо Ханю записку с напоминанием поесть, быстро переоделся и перед уходом негромко постучал в комнату младшего брата.

— Сяо Нань, подъем, а то в школу опоздаешь. Завтрак на столе. Если хочешь, подожди Мо Ханя и идите вместе, нет — топай сам.

Не дожидаясь ответа, Чи Юэ тихо притворил входную дверь и ушёл на работу.

Бурная ночь дала о себе знать: Мо Хань спал без задних ног и наверняка проспал бы все уроки, если бы в комнату не заглянула тётя Дай и не растолкала его.

Кое-как разлепив веки, он наспех собрался и побежал на занятия. Сонливость начала отступать только к концу первого урока, и Мо Хань наконец смог сосредоточиться на учебнике.

Шёл первый урок — словесность. Учитель вещал у доски с невероятным пафосом, устроив настоящий театр одного актёра. Класс, однако, его восторгов не разделял: большинство ребят откровенно клевали носом, и лишь единицы прилежно конспектировали лекцию.

Мо Хань тоже сидел, подперев голову рукой, и лениво набрасывал в тетради ключевые тезисы.

Внезапно дверь кабинета с шумом распахнулась. На пороге появился запыхавшийся вестник, бесцеремонно нарушив монотонный ход урока. Мужчина хватал ртом воздух, лицо его было белее мела. Мо Хань вскинул на него глаза, и внутри у него всё мгновенно сжалось от дурного предчувствия.

— Кто здесь Чи Мо Хань? — тяжело выдохнул вошедший.

Учитель, уже набравший в грудь воздуха, дабы отчитать наглеца за сорванный урок, осекся на полуслове:

— Что?

Мо Хань медленно, точно в полусне, поднялся из-за парты. Незнакомец впился в него лихорадочным взглядом и замахал руками, призывая его выйти:

— Ты близкий Чи Юэ? Скорее беги за мной! С Чи Юэ беда случилась!

<http://bllate.org/book/19807/2028342>